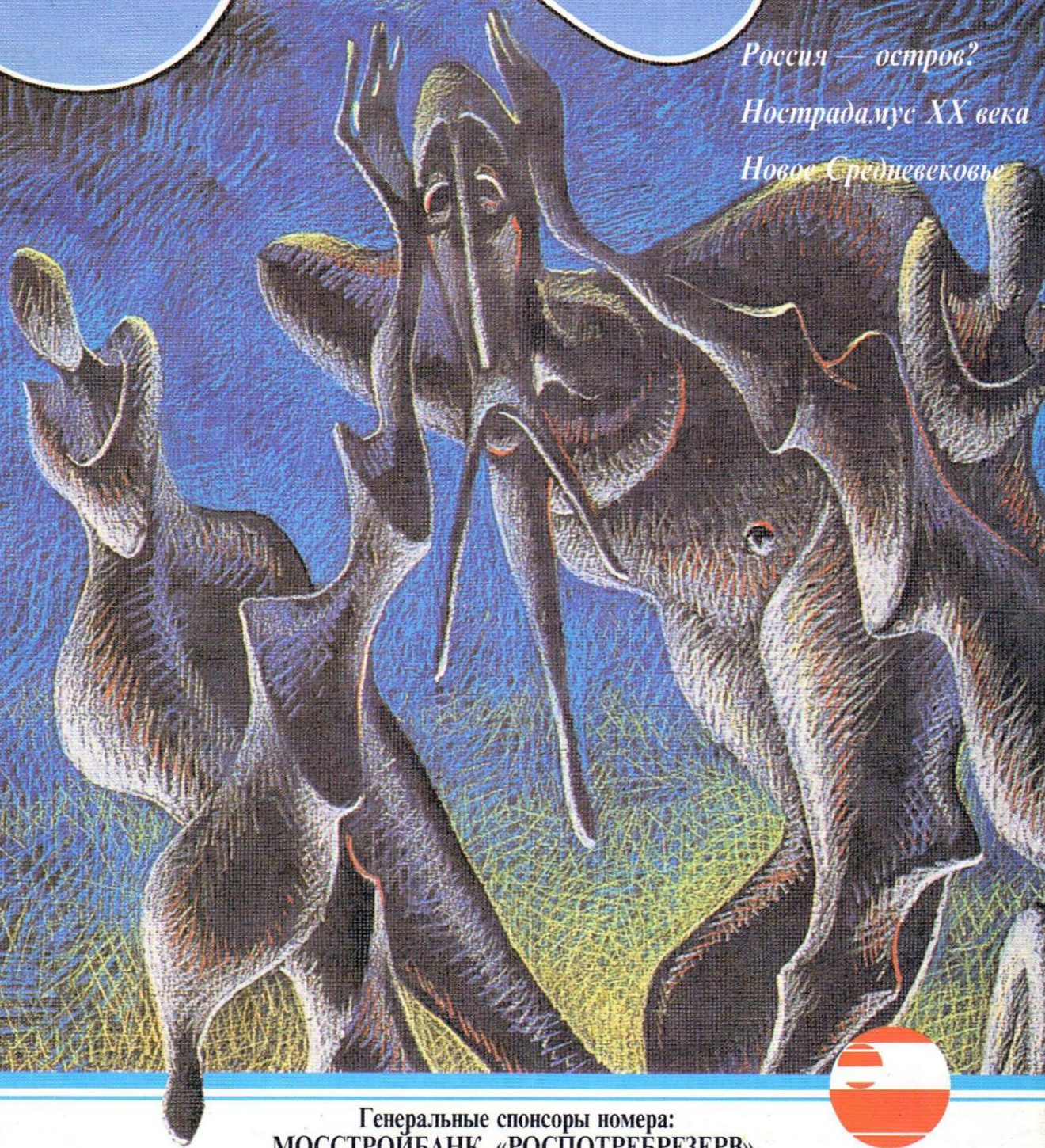

ДАЙДЖЕСТ СОЦИАЛЬНОГО СОРАЗМЫШЛЕНИЯ

СОЦУМ

2 (33) 1994

*Россия — остров?
Нострадамус XX века
Новое Средневековье*

Генеральные спонсоры номера:
МОССТРОЙБАНК, «РОСПОТРЕБРЕЗЕРВ»,
«ИНТЕРРОС-холдинг»

Приедут, бывало, из
 Москвы бояре, начнут
 Петра за потешные
 игры бранить, а он
 наведет на них пушку
 — бух! — и летит
 пареная репа в
 толстые животы и
 бородатые лица.
 Подхватят бояре полы
 расшитых кафтанов —
 и наутек. А Петр
 выхватит шпагу и
 кричит:
 — Виктория!
 Виктория! Победа!
 Неприятель спину
 показал!

Сергей Алексеев.
 «Рассказы о русском
 подвиге»

Со-владелец Земли Русской

В «Старой Записной Книжке» Петра Андреевича Вяземского есть такая натурная зарисовка: «В Варшаву прибыл зверинец с разными дикими заморскими зверями. Большое раскрашенное полотно красовалось с изображением животных на стене балагана. Народ, ротозеи толпились перед ним. Счастливые, имевшие золотый в кармане, получали билет и входили в балаган. Немощные ротозеи посматривали на них с завистью. В числе последних был и русский солдат. Он с отменным любопытством рассматривал живописную вывеску и в то же время грустно косился на конторку, в которой продавались билеты, и на дверь, в которую пропускались покупатели. В нем разыгрывалась целая внутренняя драма. Наконец, смелым движением бросился он к сидельцу при кассе и повелительным голосом спросил его: «Что это казенные звери, что ли?» На лице его так и выразалось сознание, что если он получит в ответ: «казенные», то и он, как человек казенный, имеет полное право, во имя всероссийского оружия, победоносно ворваться в желанный зверинец. В выражении этого лица был полный натуральный этюд для живописца, физиолога, психолога, а особенно — руссолога».

Руссология — то есть постижение и анализ коренных национальных устоев рус-

ГРАЖДАНИН

КАРАМЗИН И

ских, наука о народном нраве — сделалась профессией, страстью и, в конце концов, делом жизни князя Вяземского. Волновало его вовсе не этнографическое бытокопательство, но психологическая и житейская суть русского характера. И интерес тут был не академический. Скрытая в нем самая натура столбового московского барина, а также условия старозаветной расейской действительности, мешавшие ему быть тем, кем он желал быть — аристократом европейского покроя, — заставляли Петра Андреевича постоянно ощущать себя раздираемым надвое противоположно направленными душевными силами: свойствами породы и навыками воспитания.

И то и другое шло от отца. Князь Андрей Иванович был из числа балованных патрициев екатерининского века. Вельможа и остроумец, владелец многих душ, деревень.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ

Михаил ГОРДИН

роскошных чертогов и хорошо оборудованной физической лаборатории, полотняной фабрики и библиотеки — преимущественно французской — в 5000 томов, он не страдал из-за отсутствия политических свобод, поскольку в своем поместье, в своем дворце, в частной своей жизни и мыслях был волен до озорства и ухарства, до безбожия.

В последние годы царствования Екатерины князь служил наместником Нижегородским и Пензенским, затем — сенатором в Москве. Любимыми его занятиями были чтение у камина политических и исторических книг и философские беседы. Петр Вяземский вспоминал, что в малолетстве терпеть не мог Карамзина — когда тот приходил, жаркие споры в отцовском кабинете затягивались допоздна, и дети, истомившись в ожидании ужина, так и засыпали в кресле голодными. По городу ходила шутка: к кня-

зю Андрею Ивановичу никогда на ужин не опоздаешь — у него повар только к полуночи идет на рынок закупать провизию. Лаконизмом более привлекательным, чем стерляди и рябчики, оказывались метафизические парадоксы и «скептические» истины.

Князю Петру было десять лет, когда умерла мать; когда умер отец, ему было пятнадцать.

Юность он провел в карамзинском семействе. Все тогдашнее дворянское молодое поколение пленилось гениальной светской простотой снисходительного стиля Карамзина. Его повести переписывали и знали наизусть не одни восторженные девицы, но и лихие гвардейцы. Домашняя близость к недостижимому Карамзину, яркое ощущение собственного незаурядного литературного дара и гордое знание, что Вяземские родовитее царей Романовых, — быть может, все эти чувства, усугубленные сиротским одиночеством, выжили в душе молодого князя таким крутым самоуважением, которое потом, до самой старости, упруго раскручивалось и в его поступках, и в писаниях.

Казенный зверинец

Собрание его сочинений занимает двенадцать увесистых томов. Вяземский был плодовитым поэтом. Он — автор зазорных

Мы все берем приступом. Удалось: хорошо! не удалось: мы к вопросу холодеем. Нам равно противны и долгая память и долгое желание. Отказываясь от опытности, которая следует за вчера, мы мало рассчитываем и на содействие завтрашнего дня. «День мой — век мой»: вот наша коренная пословица и наш народный лозунг.

П. Вяземский

критических статей, теоретик литературы, мемуарист, написавший замечательную и первую на русском языке книгу в историко-биографическом жанре. (Она посвящена Денису Фонвизину.) Но главный труд Вяземского при жизни его не был и не мог быть опубликован. Труд этот сам автор условно именовал «Россиадой». И, объясняя свой замысел, говорил, что желал бы составить свод всевозможных словесных и умственных «русицизмов» — не систематически, а поэтически, художнически составленный сборник, куда вошли бы поговорки, пословицы, анекдоты, изречения исключительно русские, не поддельные, не заимствованные, а родовые, невозможные ни на какой другой почве, кроме нашей. «Тут так бы Русью и пахло, — писал Вяземский, — хотя до уга-ра и до ошибка, хотя до выноса всех святых! Много нашлось бы материалов для подобной кормчей книги, для подобного зеркала, в котором отразился бы русский склад, русская жизнь до хряща, до подноготной. А у нас нет пока порядочного словаря и русских анекдотов!» Свой замысел Вяземский начал осуществлять в возрасте двадцати лет и неуклонно возвращался к нему на протяжении всей жизни. Более шестидесяти лет велик князь записные книжки — вот на их страни-

цах он и развертывал единственную в своем роде документальную поэму о России, потаенную, вольную, многотомную «Россиаду», характерным отрывком из которой начаты эти заметки.

В зеркале чисто русских понятий и нравов, амальгамой которого служили блистательный ум и стиль Петра Вяземского, он сам отразился не менее отчетливо, чем его персонажи. Вяземский, прямой потомок Рюрика, наследник владетельных князей с тысячелетним родословием, воспринимает и современную ему русскую историю не как уготованные предками и судьбою внешние обстоятельства, но как собственное кровное дело, в котором он ощущает себя естественным и полномочным участником. Этим самоощущением и определяется настрой исследователя, наблюдающего и оценивающего сугубую неподражаемость России и происходящих в ней событий. Сюжетная основа домотканой эпопеи Вяземского, так же как и личной его судьбы, — взаимоотношения подданного и власти, общества и государства. Тема эта струится сквозь все заметки, афоризмы, были и небылицы, переливается множеством оттенков и намеков в кудрявых завитках замысловатого узора.

Тут многие рассказанные в нескольких

словах анекдоты таят жуть истинно драматичных, роковых коллизий. Как, например, забавный эпизод с лимоном, вызревшим в дворцовой оранжерее. Заметив на ветке очень большой лимон, император велел последить, когда тот упадет с дерева, и принести к нему. «Наблюдение за лимоном перешло на долю и ответственность дежурному офицеру, при карауле. Нечего и говорить, что государь ничего не знал об устройстве этого наблюдательного отряда. Наконец, роковой час пробил: лимон свалился... Офицер, верный долгу и присяге, идет прямо в комнаты государя. Государь уже почивал в постели своей. Офицер приказывает камердинеру разбудить его... «Я принес вашему величеству лимон». — «Какой лимон?» — «Да тот, за которым ваше величество повелели иметь особое и строжайшее наблюдение». Тут государь вспомнил и понял в чем дело. Александр Павлович был отменно вежлив, но вместе с тем иногда очень нетерпелив и вспыльчив. Можно предположить, как он спросонья отблагодарил усердного офицера...»

Чисто российская горькая соль этого невинного абсурда — превращение живого человека в механического исполнителя начальственной воли, превращение, чреватое очень крупными и даже катастрофическими неприятностями и для самого начальства. Крестинизированный подданный — предвестник краха империи.

Вяземский был человеком александровской эпохи. Почти два века назад в стране существовала политическая ситуация, по сути своей сходная с нашей нынешней: правительство ощутило необходимость в сильной общественной поддержке, взамен которой следовало дать обществу достаточно широкую самостоятельность. Дворянству — политическую, народу — экономическую. Вяземскому довелось участвовать в составлении проекта русской конституции, разрабатывавшегося по поручению царя. Вместе с несколькими богатыми помещиками-либералами князь предложил Александру I план освобождения крестьян. В конечном итоге речь шла об участии граждан в управлении страной, о союзе власти и подданных, о движении к тому порядку, который сегодня именуют гражданским обществом.

Тогда этот поворот не удался. И два века Россия шла по иному пути. Самодержцы — сперва белые, а потом красные — пытались учредить всеобщее благоденствие поли-

цейскими методами. Проницательный Вяземский наперед видел «химическую» пригодность российской почвы для произрастания на ней всякого рода жандармских учреждений и вместе — бесплодность и опасность таких посевов для национального будущего. Об этом князь и писал в своей «Россиаде». И потому книга его — повторимся — столько же о прошлых днях, сколько о

Что же тут хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что... у нас от мысли до мысли пять тысяч верст?

П. Вяземский

нынешних. Вяземский в такой мере злободневен, что в газетах эпохи гласности мог бы соперничать с самыми модными публицистами, не требуя скидки на исторический возраст.

Так, в петербургской газете «Смена» (8 августа 1991 года) в момент острых дискуссий о наследии российско-советской империи и правах человека — князь Вяземский «ввязался» в спор со статьей, которую представляется уместным здесь привести.

Мнение еще одного гражданина (редакционное предисловие «Смены»)

То ли с целью подтвердить свой взгляд на решение межнациональных проблем, то ли по случаю прекращения действия Варшавского договора газета «Советская Россия» опубликовала «Мнение русского гражданина» Н. М. Карамзина. Записка его была подана императору Александру I в 1819 году. Царь тогда говорил о своей решимости

предоставить независимость Польше. Историограф убеждал царя в пагубности такого его намерения, требовал сохранить целостность государства, страшал и предостерегал. Историограф очень хорошо знал прошедшую историю, но не предугадывал будущей. А она по-своему рассудила правителя и писателя. Оглядываясь назад, видим мрачную череду трагических дат: военное положение 1918-го, война 1939-го, война 1941-го, восстание 1830-го, восстание 1848-го... Но когда Карамзин памятным октябрьским вечером в царскосельском кабинете государя пил чай и читал свое мнение, грядущие следствия насильственных русско-польских уз еще мало кто предчувствовал. Убеждения Карамзина в польском вопросе, т. е. насчет необходимости единой и неделимой империи, разделяло большинство его сограждан. Тут были и либералы, и консерваторы, и декабристы, и царисты. Но все-таки были и такие русские граждане, которые судили иначе. Например, князь Петр Вяземский. Именно по этому поводу он восклицал: «Будь у нас гласность печати!..»

И вот, хотя и с некоторым запозданием... гражданин Карамзин получил теперь возможность высказать свое мнение в газете российских коммунистов. Но, коль скоро стали давать слово столбовым дворянам, то справедливость требует выслушать, между прочим, того же гражданина Вяземского, Петра Андреевича, русского, беспартийного, 1792 года рождения, на сестре которого историограф Карамзин был женат, в имени которого Остафьево написал большую часть своей «Истории Государства Российского». Гражданин Вяземский дрался добровольцем при Бородине, где под ним убиты две лошади. По врожденному своему аристократизму Вяземский совсем не боялся никакой правды. Даже самой обидной. В связи с поднятым «Советской Россией» имперским вопросом, князь, думается, счел бы уместным высказать следующие мысли, которые сто шестьдесят лет назад, при получении известия о подавлении польского восстания, записал впрок, т. е. специально для нас с вами.

В жанре «кровавой драмы»

14-го сент. (1831) Таким образом, вот и последнее действие кровавой драмы. Что будет после? Верно, ничего хорошего, потому что ничему хорошему быть не можно. Что было причиной всей передраги? Одна: что мы не умели заставить поляков полюбить нашу власть. Эта причина теперь еще сильнее, еще ядовитее, на время можно будет подавить ее: но разве правительства могут созидать на один день, говорить: век мой — день мой... При первой войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даем мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты. Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступить, но по победе очень можно. Но такая мысль слишком широка для головы какому-нибудь Нессельроде, она в ней не уместится... Польское дело — такая болезнь, что показала нам порок нашего сложения. Мало того, чтоб излечить болезнь, должно искоренить порок. Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо легче при случае иметь ее явным врагом... Для меня назначение хорошего губернатора в Рязань или в Вологду — гораздо более предмет для поэзии, нежели взятие Варшавы. (Да и у кого мы ее взяли, что за *взятие*, что за слова без мысли!) Вот воспевайте правительство за такие меры, если у вас колена чешутся и непременно надобно вам ползать с лирою в руках...

15-го сент. ...Мало ли что политика может и должна делать? Ей нужны палачи, но разве вы будите их петь. Мы были на краю гибели, чтобы удержать за собою лоскуток царства Польского, то есть жертвовали целым ради частички. Шереметев, проиграв рубль серебром, гнул на себя донельзя, истошил несколько миллионов и, наконец, по перелому фортуны, перелому почти неми-

Что же, господа, уж коли вспоминать князя Петра Андренча, я бы позволил себе привести еще одно его высказывание (я его, признаться, частенько вспоминаю, когда радио включают!):

«Я ничего не имел бы против музыки будущего, если не заставляли бы нас слушать ее в настоящем».
Спешу добавить: и я тоже!

нуемому, отыграл рубль. Дворян его восхищается и кричит, что за молодец! Знай наших Шереметевых! — Дело в том, что можно ли в наше время управлять с успехом людьми, имевшими некоторую степень образованности, не заслужив доверенности и любви их? Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспевать победы Паскевича: во-первых, потому, что этот род восторга анахронизм, что ничего нет поэтического в моем кучере, которого я за пьянство и воровство отдал в солдаты и который, попав в железный фронт, попал в машину, которая стоит или подается вперед без воли, без мысли и без отчета, а что города берутся именно этими махинами, а не полководцем, которому стоит только расчесть, сколько он пожертвует этих машин, чтобы навязать на жену свою Екатерининскую ленту; во-вторых, потому, что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышшь. В поляках было геройство отбиваться от нас так долго, но мы должны были окончательно перемочь их: следовательно, нравственная победа все на их стороне.

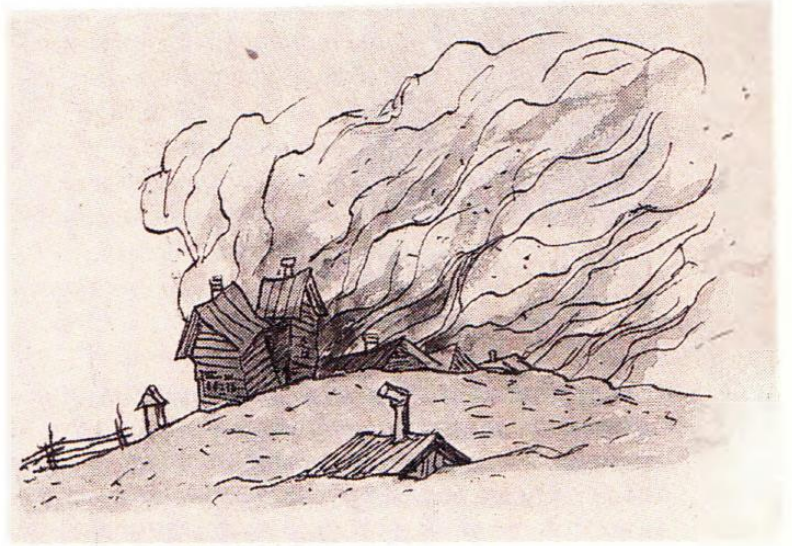
22-го сент. Пушкин в стихах своих: *Клеветникам России* кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на вопросы, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что *возрождающейся* Европе любить нас? Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? Мы тормоз в движении народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем над ней. *Народные витии*, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи подобные вашим.

Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст, что физическая Россия — Федора, а нравственная — дура. Велик и Анкин, да он в банке.

Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была

бы смерть. Зачем же говорить нелепости и еще против совести и без пользы?.. Никогда *народные витии* не говорили и не думали, что 4 миллиона могут пересилить 40 миллионов, а видели, что эта борьба обнаружила немощи *больного, измученного колосса*. Вот и все. В этом весь вопрос. Все прочее — физическое событие. Охота вам быть на коленях перед кулаком. И что опять за святотатство сочетать Бородино с Варшавою? Россия вопиет против этого беззакония...

Как можно в наше время видеть поэзию в бомбах? Мало ли что политика может и должна делать? Ей нужны палачи, но разве вы будете их петь?

П. Вяземский

Смешно, когда Пушкин хвастается, что *мы не сожжем Варшавы их*. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее. Вы так уже сбились с пахвей (с толку. — *Ред.*) в своем патриотическом восторге, что не знаете, на чем решиться: то у вас Варшава — неприятельский город, то наш посад.

Говорится: рука руку моет. Чаше пришлось бы сказать: рука руку марает.

Балярин чести

Петр Андреевич Вяземский был, пожалуй, последним русским боярином — чело- веком, отчетливо осознавшим себя со- владельцем Русской Земли. Но он был и европеем-аристократом, полагавшим, следом за Карамзиным, что единственное досто- яние, которым стоит дорожить — честь дворянина.

По публикации в журнале «Нева»